

* * *

Кто виноват, что пенье соловья
рассыпалось и мерзостные ноты
мне режут слух? Кто виноват, что я,
с тех пор, не слышу немоты природы?

Что, проникая в одинокий звук –
изобретённый или данный свыше, –
я понимаю, гложущий от мук,
что музыка – ничтожней писка мыши?..

* * *

То ли нудный ночной сверчок?
То ли месяца тощего писк?
То ли ангел попал в зрачок?
То ли блеск водяных брызг?

То ли смертного скучный вздох?
То ли Твой безутешный плач?
То ли свежий пушистый мох?
То ли страшный седой врач?

То ли снег на вещах лежит?
То ли слово горит огнём?
То ли ветка во мгле дрожит,
то ли тёмной судьбы окоём?..

* * *

Идут деревья за окном,
ломая ветки о заборы.
В пустынном городе ночном
кусты крадутся, словно воры.

И даже мелкая трава,
шурша, ползёт за ними следом.
И бесконечным горьким бредом
вдогон траве текут слова...

К утру исчезнет весь отряд
в небесно-светлом бездорожье...
А горожане – от безбожья –
опять на Бога согрешат.

На задворках

О, как я смел не верить в то,
что на задворки,
где пыль и хлам,
где зябко и темно, –
врывается неповторимый луч
и тянет за собой –
на Божий свет!..

* * *

Светлане

Когда тебя я ночью обнимаю –
подобен пеплу, глух и нем, незряч, –
мне кажется: я снова понимаю
и чувствую, что этот мир – горяч.

И если утром утро наступает, –
так происходит только потому,
что твои руки тёплые сжимают
всю смерть мою – и разгоняют тьму.

Свет (акrostих)

Свет струится – и живые вещи,
Влажные и хмурые от снов,
Еле слышно душами трепещут,
Тоньше мыслей, сладкозвучней слов.
Ласковый нетленный свет струится,
А они в его немых волнах
Над собой летят, как Божьи птицы.
Еле слышно. Смертью смерть поправ.

Сентябрь

Падение в пушистый тёплый свет,
тождественное к жизни вознесенью;
как жёлтый полубог – костёр осенний –
сжигает тлен души и мусор лет.

* * *

Каким ещё словам, каким молчаньям
или пространствам радужных пустот
произойти, чтобы вернуться к первой
строке творенья, замкнутой в окружность,
и чтобы слёзы на твоих щеках,
как раньше,
стали каплями дождя?..

